

Июнь 1998 года

В комнате было темно, сыро и тоскливо.

Казалось, что оригинальная тема все еще преобладает спустя несколько тысяч лет: стены из темного камня казались сырыми, когда свет факелов мерцал на их гладких поверхностях. На высоких скамьях с одной стороны сидели члены Визенгамота, одетые в мантии сливового цвета, на каждой из которых спереди была вышита серебряная буква "W", означающая их почетное положение. Около двадцати членов сидели в задних рядах, разбросанные и сгруппированные в группы, которые выглядели как старые клики, превратившиеся в долгосрочные союзы. Впереди сидели двадцать восемь человек - самые важные члены Визенгамота: главы Священных Двадцати Восьми.

Двадцать восемь магических чистокровных семей, возникших задолго до Международного статута секретности. Главы этих Домов получили видные места в Визенгамоте, что давало им возможность участвовать в управлении Волшебной Британией, а также дополнительную власть и влияние на свой Дом. На заседании Визенгамота многие места пустовали.

Место семьи Шеклболт пустовало, поскольку глава их Дома занял место министра магии. Другие незанятые кресла пустовали потому, что их некому было занять, например, в домах Крауч и Гонт. Оставшиеся места пустовали, потому что главы домов были недостойны их занимать. Места Яксли, Эйвери, Кэрроу, Лестрейнджей, Трэверса, Нотта, Розье и Роула оставались незанятыми, потому что Пожиратели смерти, занимавшие посты глав домов, скоро будут отправлены в Азкабан, если Визенгамот что-нибудь скажет по этому поводу.

Одно место в самом центре пустовало, и Драко не мог отвести от него взгляда, медленно прослеживая каждую букву, выгравированную на тонкой деревянной поверхности.

Малфой.

Позади него и его семьи собралась большая толпа, занятая шепотом и ропотом, ни один из которых не давал ему надежды.

Мать нежно сжала его руку в знак поддержки, и, хотя его лицо не выдавало ни малейших эмоций, его ответное нежное сжатие было его собственным молчаливым способом дать ей любовь и утешение, в которых она нуждалась.

Его отец, напротив, сидел рядом с матерью с выражением самодовольного гнева на лице.

Драко нахмурился. Даже если Люциус Малфой думал, что ему удастся избежать наказания за все, что он натворил во время войны, или выкупить свой путь от слушаний в Визенгамоте, было глупо делать вид, что он уже отдал галлеоны за свою свободу. Даже Драко знал, что не стоит давать себе волю в интерпретации.

То, что их судили как отдельных людей, но одновременно, было рекламным трюком. Фотография всех троих Малфоев, которых тащат в Азкабан, лучше смотрелась бы на первой полосе "Ежедневного пророка", даже если это означало, что протоколы и правила игнорировались и отменялись ради возвеличивания нового "светлого" правящего режима.

Он вернулся к местам в Визенгамоте, отмечая каждое отсутствие и прикидывая в уме, когда он в последний раз видел или слышал о каждом отсутствующем члене.

Место в конце скамьи отличалось от остальных. В то время как двадцать восемь предшествующих ему были изношенными и состаренными, это кресло казалось новым. Глаза Драко сосредоточились на выгравированных буквах, и, прочитав их, он драматично закатил глаза, а из его горла вырвался смешок.

Поттер.

Конечно же, они дадут Поттеру проклятое место в Визенгамоте.

Хотя их семья не считалась частью Священных двадцати восьми, Поттеры были длинной линией чистокровных, уходящей корнями далеко в прошлое, хотя Драко уже не был чистокровным. Он мог только представить себе, как это место будет вручено Мальчику, Который Не Знал, Когда Умрет.

Пока Драко и его семья сидели в камере в ожидании суда, он представлял, как Гарри Поттера одаривают золотом, девушками и чертовым Орденом Мерлина. Конечно, они дадут ему родовое место в Визенгамоте; в конце концов, он был единственным живым Поттером и, следовательно, главой своего Дома.

Драко проглотил горькую пилюлю и вернул свой гневный взгляд на пустое место Малфоя, злясь на отца за то, что тот опозорил его и оставил пустым перед ними.

Только осознание того, что Люциус, по сути, был принесен в жертву Темному Лорду своим отцом так же, как и Драко, удерживало его от публичного отчуждения от человека, который его воспитал. А ведь именно этот человек воспитал в нем ненависть к магглорожденным. Тот самый человек, который хвалил его всякий раз, когда он писал домой о том, как мерзко он назвал Грейнджер, или о том случае, когда в один год он случайно подарил ей зубы, которые опускались ниже подбородка. Ему прислали корзину сладостей за его старания "дать магглорожденным понять их место".

Все изменилось на четвертом курсе, хотя у него не хватило смелости написать об этом отцу домой.

Воспоминание об этом оставило горький привкус во рту.

"Я просто решил протянуть тебе руку дружбы и сообщить, что несколько моих соседей по дому видели тебя в библиотеке с Грейнджер", - сказал Драко, подходя к Виктору Круму так, словно они были старыми друзьями.

Он потратил годы на то, чтобы скрыть свои эмоции, как его учили, поэтому, несмотря на то, что, стоя рядом с лучшим Искателем в мире, он ликовал, как одиннадцатилетний ребенок, покупающий свою первую палочку, Драко сохранял на лице спокойную отстраненность.

Виктор Крум посмотрел на него. "Малфой, да?"

Драко ухмыльнулся. Конечно, лучший Искатель в мире знал фамилию Малфой. Они были практически равны. "Ты слышал обо мне?"

Крум пожал своими массивными плечами. "Тебе безразличны мои встречи с Гермонином, почему?"

Крум слегка опешил, сначала от того, что мужчина неправильно произнес имя Мадблад - даже если оно и было нелепым, - а затем и от самой формулировки. Посещения? Он специально проводил время с этим пройдохой?

"У тебя есть репутация, и я, как друг, даю тебе совет держать ее в чистоте. Держись подальше от такой грязи, как она. Она грязнокровка".

Огромный крепыш внезапно встал, и Драко не сразу понял, насколько высок старший мальчик, пока его нос не оказался на одном уровне с грудью Крума.

Инстинктивно он оглянулся в сторону, гадая, куда, черт возьми, забрели Винс и Грег. Он заметил Тео в углу комнаты, но Нотт ни за что не стал бы подвергать себя опасности, чтобы спасти задницу Драко.

"Не говори плохо о Гермонины", - твердо сказал Крум тоном, не оставляющим шансов для спора, хотя Драко с удовольствием бы поспорил. "Я вижу красивую ведьму, умную ведьму, сильную ведьму. А ты видишь кровь". Крум насмешливо хмыкнул, словно Драко был ниже грязи на его сапогах. "Я предпочитаю видеть ведьму".

Драко открыто смотрел на этого идиота, невольно думая, не подсыпала ли ему Грейнджер приворотное зелье.

Неделю спустя, когда она появилась на руке болгарина на Йольском балу, его рот открылся.

"Трахни меня..." прошептал Блез при виде ее.

Драко злобно усмехнулся. "Мы знали, что он проводил с ней время. Неудивительно, что она здесь с ним".

Блейз рассмеялся и похлопал Драко по плечу. "Я не шокирован, я даже надеюсь, что если я скажу "трахни меня" достаточно громко, она позволит мне перекинуть ногу через себя".

"Очаровательно", - сказал Тео, закатив глаза.

С тех пор Драко не слишком много думал о девушке, не считая общего раздражения по поводу ее существования - хотя слова Крума напомнили ему о том, как много лет назад он впервые встретил магглорожденную и ни разу не задумался о ее кровном статусе. Она была легко возбудима, но умна и проста в общении. Красивая? Драко усмехнулся при этой мысли.

Летом перед шестым курсом его поставили перед Темным Лордом и велели отработать проклятие Круциатус на магле, которую Беллатрикс подобрала в начале той недели.

У девушки были длинные вьющиеся каштановые волосы и глаза цвета кофе. В отличие от Грейнджер, её лицо было усыпано мелкими веснушками, и она была старше на несколько лет.

Но внезапно столкнуться с плачущей магглой, так похожей на его давнюю соперницу, и получить приказ пытать ее... Драко застыл.

Он вспомнил каждую колкость, каждую выходку, каждый грязный взгляд и нецензурную фразу, которую он когда-либо делал Грейнджер, и его желудок забурлил одновременно с дрожащей рукой с палочкой.

Однако он понимал, что не может просто так стоять, когда за его спиной угрожает Тёмный Лорд, когда в углу комнаты стоит его мать, окружённая Пожирателями смерти, которые были более преданы своему Хозяину, чем Люциусу, заточённому в Азкабана и не способному защитить свою семью.

"Авада Кедавра!" сказал Драко, мгновенно убив стоящего перед ним маггла.

За неподчинение Беллатриса наложила на него проклятие Круциатус, но его стремление убивать магглов понравилось Темному Лорду, и в ту ночь он получил клеймо Пожирателя смерти. Он потерял сознание, очнувшись в объятиях матери, которая тихо всхлипывала, проводя пальцами по его мокрым от пота волосам и шепча извинения.